

Перед доской объявлений у Зала Минлунь яблоку негде было упасть. Свежие списки с результатами ежемесячного экзамена притягивали взоры всех учеников, словно мощный магнит. Воздух был пропитан смесью возбуждения, тревоги и разочарования.

Имя Се Сяо, как и ожидалось, красовалось на самой вершине списка, выведенное уверенным, размашистым почерком. Рядом с ним сияла безупречная оценка — высший балл.

Линь Янь, затерявшись в толпе, тянулся на цыпочках и вытягивал шею, словно гусь, осматривающийся по сторонам. Ему было лень изучать верхушку списка, поэтому он сразу перевел взгляд на последние строчки. Долго вглядываясь в самый дальний угол, где значилась низшая категория, он наконец нашел свои два иероглифа — Линь Янь, написанные настолько криво и небрежно, будто они вот-вот готовы были рассыпаться.

Рядом с ними красовалась такая же кривая и до боли красная отметка о неуспеваемости.

Лицо Линь Яня вмиг вытянулось, словно проколотый мяч. Надув губы, он растолкал людей, пробился к самому краю доски и сорвал свой экзаменационный лист.

Бумага была легкой, почти невесомой. Весь лист пестрел алыми крестами, которые казались оскаленными пастьями, насмехающимися над ним. Иероглифы были выведены неряшливо, местами виднелись кляксы. В самом верху учитель размашисто вывел вердикт, с такой силой вдавив кисть в бумагу, что след проступил на обороте.

Сжимая в руках этот легкий, но такой тяжелый лист, Линь Янь с кислой миной выбрался из толпы. Подняв глаза, он увидел Се Сяо, который стоял под старой софой. Тот держался прямо, в руках у него был собственный лист с результатами, а на лице не дрогнул ни один мускул — словно высший балл был для него чем-то самым обыденным.

Этот резкий контраст заставил досаду Линь Яня возрасти десятикратно. Он, волоча ноги, подошел к нему.

— Се Сяо... — голос его звучал вяло и обиженно.

Он прислонился к локтю Се Сяо и, не спрашивая разрешения, склонил голову, уткнувшись лбом в прохладный рукав его темно-синего халата. Его горячая голова давила на руку, передавая всё то уныние, которое переполняло юношу.

Тело Се Сяо на мгновение едва заметно напряглось.

Линь Янь без лишних слов сунул свой ужасный лист прямо в руку Се Сяо, которая сжимала его собственный идеальный результат.

— Все эти учительские премудрости звучат как заклинания на чужом языке... — протянул он с

жалобой, продолжая бессознательно тереться головой о плечо Се Сяо, словно щенок, ищущий утешения. — Я не понял ни слова... в голове гул, будто пчелиный рой... Ну же, посмотри!

Се Сяо был вынужден принять оба листа. На одном — чистота, четкие линии и высшая оценка. На другом — помятая бумага, пятна туши, море красных крестов и позорное клеймо неуспеваемости.

От такого зрелища у Се Сяо на виске непроизвольно дернулась жилка. Он опустил ресницы, вглядываясь в работу Линь Яня. Ошибки в самых простых определениях, бессвязные рассуждения и почерк, напоминающий каракули безумца... Пальцы Се Сяо, сжимавшие бумагу, напряглись, и лист издал тихий хруст.

За окном неугомонная цикада, притаившаяся на софоре, надрывалась своим монотонным, резким стрекотом, словно озвучивая эту трагедию между отличником и двоечником.

Тишина. Гнетущая тишина повисла над листом Линь Яня.

Се Сяо закрыл глаза, пытаясь сдержать эмоции. Когда он открыл их снова, в глубине его взгляда осталось лишь глубокое смирение. Он едва слышно вздохнул, но этот вздох показался тяжелее горы.

— ... — он не стал утешать, а просто расправил лист Линь Яня на каменном столе рядом и указал длинным пальцем на самое простое определение в начале. — Вот здесь, — голос его звучал ровно, без тени эмоций, — слово в выражении о постоянном повторении означает не время суток, а частоту и регулярность.

Линь Янь, всё еще не поднимая головы с его плеча, с трудом приоткрыл глаза и рассеянно уставился в текст:

— Часто? Регулярно? Разве это не одно и то же... — пробормотал он, снова закрывая глаза.

Холодный, монотонный голос Се Сяо действовал на него лучше любой колыбельной. Голова Линь Яня качнулась раз, другой, и наконец он тихонько ткнулся лбом в плечо Се Сяо.

Тепло его тела и дыхание окутали плечо Се Сяо.

Объяснения Се Сяо оборвались на полуслове. Он застыл, покосился на темную макушку, покоящуюся на его плече, и нахмурился. Пальцы, лежавшие на бумаге, сжались, но оттолкнуть Линь Яня он не решился.

Ему пришлось остаться в этой неудобной позе. Он понизил голос и продолжил объяснение, растягивая слова и борясь с собственным терпением. Однако тяжесть на плече и мерное дыхание действовали на него, словно тысячи муравьев, ползающих по коже, вызывая

раздражение и заставляя сбиваться с мысли.

Когда с основами было покончено, Се Сяо чувствовал себя так, будто прошел через битву. Он потер переносицу, готовясь перейти к еще более плачевным рассуждениям.

Линь Янь, похоже, немного вздремнул и теперь выглядел бодрее. Он протер глаза, поднял голову и посмотрел на свой лист, где зияли огромные пустые пространства. На лице его не было ни капли раскаяния, напротив, глаза сияли любопытством, когда он задал совершенно неожиданный вопрос:

— Се Сяо, скажи... почему в мире так много правил? — он подпер подбородок рукой, искренне недоумевая. — В академии: вставать в час Кролика, уроки в час Дракона, ходить нельзя быстро, смеяться нельзя громко, даже палочки для еды нужно класть по этикету... Разве это не утомительно?

Се Сяо на мгновение опешил от такой смены темы. Вопрос затрагивал основы социального устройства. Помолчав, он попытался объяснить так, чтобы это было понятно в их эпоху:

— Без правил нет порядка. Ритуалы поддерживают структуру, учат нас знать свое место, различать старших и младших...

— Ох, — Линь Янь понимающе кивнул, но тут же выпалил новый вопрос: — А почему небо синее? Мой отец говорил, что Небожитель носит синий халат, но ведь халаты пачкаются, верно? Может, когда идет дождь, Небожитель стирает свою одежду?

Се Сяо:

— ...

Он посмотрел в глаза Линь Яня, полные чистого, незамутненного любопытства, и впервые не нашелся что ответить. Вопрос был прост, и он мог бы объяснить его через рассеивание света, но, глядя на это наивное предположение про стирку халата, он вдруг почувствовал, что научное объяснение разрушит нечто... прекрасное.

Он помедлил и выбрал более приемлемый для древних вариант:

— ...Потому что вода отражает цвет неба.

— Вода отражает небо? — Линь Янь склонил голову, а затем внезапно указал на чашку с чаем на столе Се Сяо: — Тогда почему чай в чашке не синий? А! Потому что она недостаточно большая! Значит, океан синий именно поэтому! — он пришел к собственному выводу и довольно кивнул.

Се Сяо наблюдал за тем, как тот сам себя убедил, и уголок его губ едва заметно дернулся. Раздражение от того, что его отвлекли, словно улетучилось. В голове у этого юного господина, казалось, скрывались удивительные звезды, совершенно не вписывающиеся в душную атмосферу академии.

...

После полудня, Зал Минлунь.

Голос учителя, читающего лекции, звучал медленно и тягуче, напоминая надоедливый стрекот цикад. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь высокие окна, клонили в сон.

Линь Янь сидел рядом с Се Сяо, ерзая на месте, словно на иголках. Он украдкой взглянул на учителя, который, закрыв глаза, покачивал головой в такт тексту, а затем скосил взгляд на Се Сяо, сидевшего неподвижно, как изваяние. В тени деревьев за окном пестрая бабочка порхала среди цветов.

Глаза Линь Яня вспыхнули! Сонливость мгновенно испарилась.

Затаив дыхание, он пригнулся, словно маленький леопард, и, дождавшись, пока учитель отвернется к книжной полке, на четвереньках проскользнул со своего места. Прижимаясь к стене, он бесшумно выскользнул через заднюю дверь!

Ощущение свободы захлестнуло его! Линь Янь, подобно сорвавшемуся с привязи жеребенку, помчался к склону холма, усыпанному полевыми цветами, не сводя глаз с яркой бабочки!

Он прыгал по цветам, звонко смеясь, и совершенно не заметил, как из коридора вдалеке на него устремился острый, как у ястреба, взгляд надзирателя.

— Кто здесь шумит! Прогул?! — грозный окрик прогремел, словно удар грома, прямо над ухом Линь Яня!

Он вздрогнул, застыв на месте. Обернувшись, он увидел посиневшее от ярости лицо надзирателя, в руках у которого была карательная линейка.

Конец!

Линь Яня, словно нашкодившего котенка за шиворот, приволокли обратно в Зал Минлунь. Но еще больше его ошеломило то, что учитель в гневе не только приказал ему переписать Правила академии десять раз, но и, сославшись на то, что сосед по комнате не вразумил его, наказал Се Сяо пятью переписываниями!

Се Сяо, невинно пострадавший, сидел прямо, но его пальцы, сжимавшие кисть, побелели от напряжения, а атмосфера вокруг него была тяжелой и пугающей.

...

Ночь. Учебный корпус «Чжу».

Тусклый свет масляной лампы едва освещал два стола, стоящих рядом.

Линь Янь, измученный, лежал на столе, сжимая кисть и скрипя зубами над толстой стопкой Правил. Его почерк был еще хуже, чем на экзамене, напоминая каракули пьяницы, попавшего в бурю. Едва закончив первую страницу, он почувствовал, что запястье онемело.

Он украдкой взглянул на Се Сяо.

Тот сидел безупречно прямо, спина — как струна. Перед ним лежали Правила, кисть двигалась уверенно и бесшумно. Его почерк был изящным, холодным и твердым, а скорость — поразительной. Лист за листом он заполнял бумагу, что выглядело как жестокий контраст по сравнению с каракулями Линь Яня.

В глазах Линь Яня блеснула хитрая искра. Он отложил кисть, размял запястье и, придвинув табурет, подсел к Се Сяо. Почти привалившись к его плечу, он положил подбородок на край стола и жалобно протянул:

— Се Сяо... запястье так ноет... глаза слипаются... Посмотри на мои иероглифы, учитель точно будет ругаться... — он подsunул свой шедевр под нос Се Сяо.

Тот не прекращал писать и даже не поднял глаз, будто рядом с ним жужжала надоедливая муха.

Линь Янь не сдавался. Он осторожно ткнул пальцем в тыльную сторону ладони Се Сяо, которой тот держал кисть, и прошептал еще мягче и жалобнее:

— Се Сяо... помоги хоть чуть-чуть... ты же самый лучший...

Теплый палец коснулся прохладной кожи.

Кисть Се Сяо резко дрогнула! Капля густой туши упала прямо на только что написанный безупречный иероглиф, быстро расплываясь уродливым черным пятном.

Се Сяо уставился на кляксу, его пальцы на кисти сжались до побеления. Холодный гнев,

смешанный с раздражением от того, что его отвлекли, захлестнул его. Он резко повернул голову, и его взгляд, острый, как ледяная игла, вонзился в виновника.

Линь Янь втянул голову в плечи, но, вспомнив о девяти страницах, которые еще предстояло написать, набрался смелости и захлопал влажными оленьими глазами, посылая сигнал мольбы.

Воздух застыл на несколько мгновений.

Грудь Се Сяо тяжело вздымалась, он явно пытался что-то подавить. Он закрыл глаза, а когда открыл их снова, холод в глубине его глаз сменился глубокой, усталой досадой. Он тяжело вздохнул, и этот звук отчетливо прозвучал в ночной тишине.

Он рывком притянул к себе злосчастный лист Линь Яня, взял чистый лист и кисть. Его взгляд на мгновение задержался на каракулях Линь Яня, словно он пытался запомнить их уникальный, изломанный стиль.

Затем Се Сяо начал писать.

Кисть скользила по бумаге, но звук был уже не таким уверенным и плавным, а каким-то намеренно неловким. Получившиеся иероглифы... на первый взгляд, на семь-восемь частей походили на кривой почерк Линь Яня! Однако в их основе все равно проглядывала твердость Се Сяо, словно наивный узор, высеченный на прочном камне.

Линь Янь остолбенел! А затем его охватил восторг! Он придвинулся еще ближе, почти положив голову на плечо Се Сяо, и, не сводя сияющих глаз с ловких пальцев Се Сяо, искренне восхитился:

— Ого! Се Сяо! Ты такой удивительный! Ты даже почерк можешь менять! У тебя так красиво получается, даже лучше, чем у моего отца... э?!

Он не успел договорить, как палец, который он от возбуждения вытянул вперед, случайно коснулся тыльной стороны руки Се Сяо, которой тот писал!

Прохладная кожа, горячий палец.

Словно слабый разряд тока пронзил их обоих!

Кисть Се Сяо резко дернулась, оставив на бумаге длинный, извилистый след туши!